

Вспоминая талантливого поэта-самородка

Иной раз думаешь: а не превыше ли наших дистиллированных, безукоризненно выверенных слов, составленных в геометрически правильной последовательности, закупоренных в стерильных ёмкостях, называемых нами «текстами», — вот эта живая природная сила воздействия, какой с лихвой наделяет Господь иные светлые дарования, ревниво и несправедливо смещаемые нами в самые низы казённых табелей о рангах? А если да, то не есть ли наше просвещённое искусство не что другое, как дьявольский искуc, лукавство наедине с самим собой, поганство перед совестью и Богом?..

Такие — или примерно такие — мысли бурятся в голове, когда память выкликает имя новгородского поэта Евдокима Русакова. И ко всему прочему разъедает душу стыд. Оттого, что мастаки-рифмоделы, дудевшие в «дудочку» с неравной степенью старания — смотря по тому, «какое тысячелетье на дворе», какова конъюнктура рынка — до сих пор на слуху, главным образом усилиями масс-медиа. А он, Евдоким Русаков, сам бывший этой «дудочкой», поэзией во плоти, забыт однажды и, боюсь, навсегда. Притом что от многих, прославивших ещё при жизни свыше всякой меры, давно разит разве что сероводородом и железом, как из ржавой водопроводной трубы. В то же время стихи Русакова — их отборная, сокровеннейшая, нерукотворнейшая часть — всегда прозрачны и целебны. Ибо и рождены-то, кажется, не столько приложением личных сил автора, сколько естественным течением из самой земли, как испокон веку сотворялась русская поэзия.

Этот небольшой очерк — не полновесная литературоведческая статья, какую бы надо предварить публикацию Евдокима Русакова, его, по сути, возвращение из небытия и нежити, но краткий пересказ судьбы поэта, основанный на свидетельствах современников и тех немногих сведениях, что удалось обнаружить. Остальное, как говорил другой поэт, вычитывайте в стихах — они скажут лучше и больше, чем кто бы то ни было.

* * *

Русский самобытный поэт Евдоким Евдокимович Русаков родился 26 июля 1924 (по другим данным — 1926) года в окрестностях деревни Сопки Ореховской волости Боровичского уезда (с 1930 года — Мошенской район) Новгородской области. «В поле под суслоном», — уточнял впоследствии. Девяти лет от роду стал пастушить, приняв под свой надзор многочисленное колхозное стадо. «С горем пополам» (по собственным словам) закончил четыре класса, а в начале войны был

направлен на строительство оборонительных рубежей Волховского фронта. Но провоевал без году неделю — тяжело контузило во время налёта фашистской авиации. Потом был госпиталь, долгая отлёжка на больничной койке. Домой прикандыбал в 1943 — на костылях. Старший Русаков был на фронте, кому-то надо было браться за гуж на правах главы семейства, тем более что оно было по-крестьянски большим, не один рот, — и хромый Евдоким, не умея по состоянию здоровья справлять иную работу, стал сапожничать. Мало-мало поправившись, снова подался в пастухи, а вообще довелось потрудиться и шофёром, и механизатором, и сторожем. В те-то надрасные годы и возникла, по-видимому, непреодолимая тяга к русскому Слову, в разное время увлекавшая в ряды стихотворцев таких прирождённых людей земли, как Алексей Кольцов, Иван Никитин, Николай Клюев, Сергей Есенин...

Не стал исключением и Евдоким Русаков, мало что отделяли его от имени-тых предшественников десятилетия, иные из которых — особенно недавние — до безобразия изнахратили уклад русской жизни, а само крестьянство свели на нет, обратив бывших землепашцев и сеятелей в обезличенное понятие «колхозник».

— Со мной всегда были карандаш и бумага, и записывал я свои стихи и сказочки, частушки — не для печати, для души, — делился Русаков.

Наставником способного самоучки стал местный учитель и поэт Юрий Шишелов, а впервые стихи Русакова земляки узрели на страницах районной газеты «Мошенской колхозник» в 1953 году.

Некоторое время спустя Русаков — уже семейный, детный — скочевал в деревню Коровкино Боровичского района. Однажды летом на дальних выгонах всю семью Русаковых заразил энцефалитный клещ. Придя в себя через несколько недель в больнице, Евдоким Евдокимович узнал, что жена скончалась и похоронена, старший сын — инвалид, а младших ищи-свищи по интернатам...

Не сразу, со временем удалось Русакову восстановить семью. Этому предшествовало событие, во многом утолившее печали рано овдовевшего поэта, — Господь послал ему хорошую работающую женщину, в одиночестве мыкавшую свою девью долю. «Брели, брели два горемыки, вот и сбрелись!» Она-то, добрая душа, и поставила первоочередное условие: «Давай собирать детей!» — и стала для осиротевших ребятишек матерью, а для их отца — надёжной спутницей и помощницей.

В 1958 году Евдоким Русаков с тетрадкой под мышкой объявился на заседании литературного объединения при боровичской районной газете «Красная искра». Руководитель ЛИТО Л.Р. Фрумкин признавался: «Стихи удивляли обилием поэтических находок...». Нужна была серьёзная школа. Но как об этом помышлять, если ты — обычный пастух (в деревне зубоскалят: «Коровий полковник! Первый зам младшего конюха...»), да ещё и кормилец немаленькой семьи, стеснённой железным обручем бесконечных проблем? Старшего сына лечили от последствий энцефалита пять лет. Новая супружница — имя её, к сожалению, нигде не упоминается — зарабатывала копейки, сам Евдоким Евдокимович тоже не мог похвалиться длинным рублём за пазухой...

Тем не менее, сочинительства своего — столь, казалось бы, лишнего в его жизни — поэт не оставил. Наоборот, поступил в вечернюю школу, читал классиков и современников, вникая в тайны ремесла, посещал литературное объединение. И судьба, неблагосклонная поначалу, в итоге наградила за терпение и настойчивость. В 1961 году подборка стихов Русакова коллективно с сочинениями

других новгородцев увидела свет в сборнике «У Ильмень-озера». А дальше слово выбило затычину — и публикации пошли гуртом и чередой. Литературно-художественные журналы и альманахи, газета «Литературная Россия», популярная «Сельская молодёжь», знаменитая «Звезда»...

В 1973 году в Ленинградском издательстве «Детская литература» издана первая книга поэта — «Мельница-метелица», проиллюстрированная молодой художницей из почтенной династии живописцев Васнецовых. Для оформителя это был первый опыт такого рода, о чём Елизавета Юрьевна вспоминала уже в наши дни: «Книжной графикой я начала заниматься не сразу после окончания института. Только в 1972 году я решила, наконец, попробовать работать над книгой, и мне повезло. В Ленинграде в «Детгизе» мне предложили проиллюстрировать интересные самобытные стихи о природе, о людях новгородского поэта-пастуха Евдокима Русакова. Эта тема мне так близка, я так люблю именно нашу северную природу — поэтическую, скромную, немного грустную, но всегда живописную...»

В известной мере благодаря незаурядному художественному вкусу оформителя «Мельница-метелица» удалась на славу, как вообще всё в этой книге чудесно сошлось: и душевные, безыскусные стихи, и вдохновенное прочтение их в краске. Да и тираж у книги был по нынешним временам заоблачный — 150 тысяч экземпляров. Красиво и богато устроенная, «Мельница-метелица» выдержала переиздание.

Но это случилось потом, в начале восьмидесятых.

А чуть ранее, в 1979, «Лениздат» выпустил вторую книгу Русакова — «Живу я в маленькой деревне». На закате брежневской эпохи, позже огульно поименованной «застоем», деревенский сочинитель с некорыстной грамотёшкой вступил в Союз писателей РСФСР — общество по тем временам насколько почётное для его членов, профессиональных литераторов, настолько и неприступное для прочих, если иметь в виду строгость утверждённых правил вступления и взыскательность приёмной комиссии.

Пожалуй, никогда ещё в истории отечественной словесности столь широко не отворялись двери для простолюдина.

Не менее удивительным для сегодняшнего восприятия остаётся и тот факт, что Русакова не проспали. Такое родное, сразу западающее в душу имя то и дело мелькало в центральной прессе, на стихи поэта сочиняли музыку, исполняли песни. В деревню Коровкино шли и шли письма неравнодушных читателей — они, читатели, ещё читали, ещё обсуждали, ещё делились с авторами своими впечатлениями, ещё не молчали, набравши воды в рот. За сравнительно невеликий срок Евдоким Русаков сделался поистине народным поэтом — и народность его была подлинного, ныне утраченного свойства, обусловленная как природой самого Слова, так и мерой его звучания. А поэтическое слово Русакова звучало по телевидению и радио на всю огромную страну, известность поэта крепла. Не прошло и двух лет со дня выхода первой книги, как о талантливом новгородце — колхозном пастухе союзного масштаба — сняли документальный фильм, десятилетие спустя — второй.

«Слава застигла его, как июльский дождь посреди спелого хлебного поля», — справедливо отмечали современники. Достославные, сказочные времена!

Несомненный успех не вскружил голову, Евдоким Русаков и не думал ползать на печку. С годами нашли своего читателя ещё три книги: «Заозерье» (1982 г.), «Солнце взошло» (1985 г.) и «Июль — мой прародитель» (1987 г.). Суммарный

тираж книг Русакова перевалил за несколько сотен тысяч экземпляров. Все они разошлись по Советскому Союзу — и не насытили, стали библиографической редкостью, так что не на всякой букинистической барахолке сыщешь теперь эти изрядно потрёпанные раритеты.

Но не только любовь и признание читателей русской поэзии — Евдоким Евдокимович снискал себе уважение и в профессиональной среде. Михаил Дудин — поэт, сродник по духу — в предисловии к «Мельнице-метелице» кровно прочувствовал младшего собрата: «...он поэт по самой сути склада своего характера, и его стихи естественны, как лёгкий шелест ветра по истомлённому июньским зноем ольшанику. В них есть запах земляники и болиголова, хруст снега и песня жаворонка, умеющего держать на тоненькой ниточке песни большую планету Земля. Он знает, что жизнь нелегка, что труд, делающий человека Человеком, прекрасен, что в труде и есть радость человеческая. Об этом он и поёт бесхитростно и сердечно».

...Увы и ах, пройдёт совсем немного времени — и петь «бесхитростно и сердечно» станет занятием не только бескормным, но и бессмысленным, а часто и унижительным. Наступит перестроечное лихо, когда «самой читающей» стране уже не до литературы, как бы вовсе не сгинуть.

Но Евдоким Евдокимович продолжит писать — или, говоря по-крестьянски, «работать». Ночью, едва жизнь в деревне замирала, поседевший поэт всё так же, как и в молодые годы, уединялся в закутке за печкой и, надев очки, доверял своё наболевшее неизменной ученической тетрадке, а после перепечатывал на пишущей машинке, правил, складывал в заветную папку. Как любой поэт, Русаков надеялся, что народ рано или поздно образумится, и стихи вновь зазвучат во всех городах и весях...

Однако сам ход жизни не способствовал этому, а вдобавок приносил новые горести.

В конце 1990-х, потрясённый убийством дочери, рядовой почтальонки с нищенской зарплатой, Евдоким Евдокимович — изнемогший, постаревший, потраченный годами, болезнями, страшной разрухой в стране, но, похоже, так и не разочаровавшийся в своей прекрасной, хотя и неблагодарной, поэтической стезе, не отвратившийся от своего чёрного, но трудового хлеба, — слёг и больше не поднялся.

В 2001 году поэта не стало.

Земляки как один вспоминали, что похороны пришлись на жаркий летний день: «Ветер гнал по небу стада белых облаков, приносил с лугов запах цветущих трав. От дома до околицы гроб несли на руках. Когда отворили ворота сельского погоста, по кладбищенской листве, точно оплакивая последнего крестьянского поэта России, скорбно зашелестел нежданно павший с неба слепой дождь...»

Минуло двадцать лет после ухода Евдокима Русакова.

Время, о котором он мечтал, ради которого корпел по ночам за печкой, как неутомимый деревенский сверчок, — время стихов, время любви и сердечной жалости ко всему живому, — так и не наступило. Россия, которой посвящал чистые строки, ушла в омут с головой, а вынырнула иной — той самой, в какой всякий национальный русский поэт, по слову Есенина, «словно иностранец». И стихи здесь «больше не нужны», и сам поэт «ни капельки не нужен».

Имя Евдокима Русакова, как имена не менее одарённых сынов России из самых её родниковых глубин, стёрлось из народной памяти, на поверку оказавшей-

ся ничуть не длиннее девичьего волоса. Сегодня редкий знаток русской поэзии щегольнёт в разговоре названием некогда прозвеневшей русаковской книги «Мельница-метелица». Забвение — а это оно, мельница-метелица нашего беспамятства — по-прежнему мелет исправно.

Отрадно, что на малой родине помнят и чтят своего поэта.

В Доме культуры деревни Перёдки, что близ Коровкино, создан музей Евдокима Евдокимовича. Напротив — сквер его имени, на самом здании — мемориальная доска. Изданы поздние стихи Русакова, воспоминания о нём. С 2009 года проводятся Русаковские чтения. Учреждена медаль «Поэт Евдоким Русаков» — её присуждают «за пропаганду творчества» поэта, а также «литературные достижения, благотворительную деятельность». Несколько лет назад в сквере рядом с Домом культуры открыли памятник: в неизменной кепке, сдвинутой на затылок, за гриву золотых волос, прилежно зачёсанных назад, чуть скосив глаза к переносью, с усталой грустной улыбкой на грубом крестьянском лице, изрезанном вдоль и поперёк морщинами, никогда прежде не виденный, но до боли знакомый человек по-шукшински смотрит мимо тебя, в какую-то свою, ещё неведомую нам дальность, а ощущение — как будто прямо в душу. И летят сверху, на отвесной каменной стене, два журавля — он и она — золотые, и колосится снизу назревшая, тяжёлая, истомлёно поникшая пшеница — золотая, и проглядывают тут и там приветливые солнышки ромашек — золотых...

Но, конечно, главным, по-настоящему достойным почитания, остаются стихи. Без них выросло вот уже не одно поколение русских людей — и это тот самый динамит, один из связки, заложенной безвременьем, который когда-нибудь обязательно рванёт.

«Кто я? Быть может, колокольчик в негромкой музыке земли...» — просто, как выдохнул или вдохнул, много лет назад написал о себе поэт.

Давайте остановимся на мгновение, вслушаемся в эту негромкую музыку. И кто знает, может быть, колокольчик Евдокима Русакова, «дар Валдая», снова зазвучит на отеческой земле.